

и их гибели. И подобное осмысление обстоятельств, приводящих к трагическим ситуациям, находит свое объяснение в контексте литературных представлений того времени. Мотив доноса, клеветы как источник драматического действия или причина трагической развязки фигурирует в целом ряде пьес петровской и послепетровской эпохи. Истоки традиции прослеживаются еще в драме об Иосифе, пьесе на библейский сюжет, ставившейся при дворе Алексея Михайловича. Известно о постановках этой пьесы при дворе Анны Иоанновны в период пребывания Сумарокова в Кадетском корпусе.²³

И хотя источники проникновения подобного мотива в драматическую литературу были разнообразны, общим сходством типологической ситуации как приема сюжетной завязки отмечено немало пьес того времени. Так, жертвой клеветнического доноса слуги становится добродетельная Геновева в «Комедии о графине Триерской Геневе» из репертуара театра Кунста—Фюрста. Оклеветанная свекровью, изгоняется в пустыню царица Дияна из «Акта о преславной палестинских стран царице. . .», пьесы 1730-х годов.²⁴ В «Комедии об Индрике и Меленде» испытания, выпавшие на долю влюбленных, в значительной мере есть результат коварных интриг сенатора. Жертвой зависти и злобы придворных оказывается в одноименной комедии граф Фарсон. Наконец, как прием создания сюжетных перипетий данный мотив встречается и в авантюрных повестях начала XVIII в. Вспомним адмирала — соперника главного героя в «Истории о российском матрозе Василии Кориотском. . .».

В первых трагедиях Сумарокова эта традиция как бы находит свое продолжение и завершение. И завязка и развязка трагедийного действия в «Хореве», насыщенность пьесы доаматизмом оказываются обусловленными, в сущности, доносами Сталверха, вельможи Кия. Особенно любопытна отдаленная сюжетная близость этой первой трагедии Сумарокова к пьесе 1720-х годов с характерным названием «Комедия о Сарпиде, дуксе Ассирийском, о любви и верности». В центре пьесы монарх, доверчиво следующий клеветническим доносам царедворца Зимфона. Желание возвыситься, любовь к дочери Сарпиды Леоноре заставляет Зимфона оклеветать возлюбленного Леоноры, Ореста. На какое-то время его доносы достигают цели: Орест оказывается в темнице. Но в финале

²³ См.: Н. Дризен. Любительский театр при Анне Иоанновне (1730—1740 гг.), стр. 88—97.

²⁴ В посвященной этой пьесе статье С. А. Щегловой «Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице» (Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 153—229) время написания пьесы относится к началу 1710-х годов. В дипломном сочинении Л. Итигиной (1970), возможность ознакомиться с которым нам любезно предоставил автор, выдвинута, на наш взгляд, убедительная гипотеза, по которой временем написания этой пьесы следует считать 1730-е годы.